

Отзыв официального оппонента
о диссертации Ху Вэйяна «Воздействие монгольской власти на
социально-политическое развитие Руси и Китая: сравнительно-
историографическое исследование» по специальности 5.6.5 –
Историография, источниковедение, методы исторического
исследования, представленной на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Историографические исследования продолжают оставаться на острие интереса историков. Особенно это касается исторических сюжетов, которые уже давно изучаются и хорошо обеспечены исследовательской литературой. Одной из таких тем является монголо-татарское нашествие на Русь в XIII в. и последовавшее затем двухсотлетнее иго. Важное место оставило монгольское владычество и в истории Китая в период династии Юань. При этом, если историографические исследования массива литературы по истории монголо-татар уже проводились в отечественной науке, то сравнительного анализа изучения владычества монголов на Руси и в Китае проведено не было, а, между тем, такого рода исследование обладает высокой степенью актуальности – оно позволяет оценить общее и особенное в развитии двух соседних цивилизаций, сравнить степень воздействия внешнего влияния на это развитие. Именно такую цель и поставил перед собой выполнивший рецензируемое диссертационное исследование Ху Вэйян.

Целью исследования, как отмечает исследователь, является систематизация, структуризация и анализ наиболее значимых российских и китайских исследований о влиянии монгольской власти на политические и социальные институты Китая и русских земель в XIII–XVI вв.

Ху Вэйян подробно анализирует изучение татаро-монгольского нашествия российскими и иностранными учеными с XVIII в. по современность. Им приводятся сведения о начале научного изучения темы в

трудах историков В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, А.Ф. Рихтера, П.А. Наумова, Х.Д. Френа. Отмечается, что историки XVIII – начала XIX в. обобщили летописные данные по истории монголо-татарского нашествия и поставили вопрос о влиянии завоевателей на общественно-политическое развитие Руси.

Были достигнуты определенные успехи, которые заложили фундамент дальнейшего изучения «татарской проблемы». Особенностью произведений этого периода является подчеркивание решающей роли деспотизма в истории России. В.Н. Татищев, А.Ф. Рихтер, И.Н. Болтин увидели определенное влияние татаро-монгольского владычества на формирование самодержавия в России. Успешное завоевание татарами Руси принято считать результатом внутренних междоусобиц (В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин). Серьезным недостатком трудов отмеченных историков является узкая источниковая база: исследования основаны только на данных русских летописей. Восточные источники по истории монгольского завоевания еще не вошли в широкий научный оборот. Изучение истории непосредственно Золотой Орды практически не имело развития. А, между тем, справедливо отмечает автор, «без полноценного представления об устройстве Улуса Джучи невозможно составить цельную картину взаимоотношений Руси и монголо-татар, сделать выводы о влиянии завоевателей на развитие русских земель» (с. 25).

На основе вклада Н.М. Карамзина в изучение российской истории труды исследователя и его сторонников рассматривают в качестве целого направления исторической науки. Взгляды выдающегося ученого повлияли на научные разработки многих историков последующих поколений. Характерная черта трудов представителей «карамзинской школы» – утверждение решающей роли Орды в становлении российского самодержавия (с. 34–35).

Автор справедливо отмечает, что если Н.М. Карамзин «отводил монгольскому завоеванию важную позицию в вопросе влияния на

исторические развитие России», то в отличие от Карамзина С.М. Соловьев «рассматривал историю России с точки зрения внутренних факторов развития, нивелируя роль татаро-монгольского ига. По мнению историка, даже в первое время после завоевания Золотая Орда не имела серьезного влияния на внутренний строй завоеванной страны... Соловьев не рассматривает борьбу с монголами как фактор ускорения процесса объединения, а расценивает ее как продолжение борьбы против кочевников на протяжении веков, борьбу “леса против степи”. Историк сравнивает политику татар на Руси с участием половцев во внутренних междоусобицах русских князей» (с. 36).

С.М. Соловьев, С.Ф. Платонов и В.О. Ключевский разделяли идею возникновения семейно-наследственной системы на Руси в домонгольский период. Однако большинство историков связывают замену системы родового наследования на вотчинную с влиянием ига. Так считали К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, Н.И. Костомаров, А.Д. Градовский и др. Промежуточной позиции придерживался И.Д. Иловайский. Он говорил о постепенном переходе от наследственного представления к государственному, произошедшему под влиянием ордынского ига (с. 43).

В одном ряду с представителями государственной школы Ху Вэйян рассматривает взгляды Ф.И. Леонтовича и М.Ф. Владимирского-Буданова, что представляется спорным. Оба они принадлежали к подразделению киевской школы в историографии – школе западнорусского права – и однозначно считать их последователями Соловьева и Кавелина было бы преувеличением.

Важные наблюдения автора приведены при анализе им трудов востоковедов.

Как подчеркивает автор, с момента зарождения русского востоковедения в XIX в. и до начала XX в. несколько поколений российских востоковедов «провели масштабные исследования по теме завоевания Руси монголами и господства Золотой Орды. Были достигнуты выдающиеся

результаты, имевшие значительное влияние в российской исторической науке. Российские востоковеды применили новую методику освоения материала, ввели в научный оборот значительное количество исторических памятников на персидском, китайском и арабском языках, восполнили пробелы исследователей русской истории, ограниченных источниками русского происхождения» (с. 50).

Любопытные наблюдения автора содержит § 5 первой главы. Он, наряду с анализом воззрений П.Н. Милюкова, К.Н. Бестужева-Рюмина, П.Б. Струве, аккумулирует мнения ученых, малоизвестных в истории исторической науки, – М.С. Гастева, специально посвятившего книгу татаро-монгольскому игу, М.И. Сагарадзе, И.П. Хрущова, И.Я. Гурлянда. В своем труде «Русская история», полагает автор, К.Н. Бестужев-Рюмин попытался примирить противоположные взгляды историков на роль завоевания (с. 53).

Весьма ценными являются итоговые наблюдения автора по первой главе диссертации. Дореволюционную историографию можно разделить на два периода, полагает он. Первый – с XVIII до первой половины XIX в. В это время историки поставили вопрос об актуальности и необходимости изучения монгольского завоевания Руси. На страницах исторических трудов монголо-татарский период был представлен как один из важных этапов судьбы России (с. 58).

Второй период развития дореволюционной историографии «татарской проблемы» – вторая половина XIX – начало XX в. Важнейшим событием этого периода развития российской историографии является разработка и проверка научной концепции исторического развития России С.М. Соловьева.

Ху Вэйян провел разделение взглядов дореволюционных историков на три группы. Представители первой группы признают разрушительные последствия татарского нашествия на Русь, но при этом отмечают решающую роль монголо-татарского ига в формировании единого централизованного Московского государства. К первой группе относятся

В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, Д.И. Иловайский, Н.И. Костомаров, А.Д. Градовский, Н.И. Веселовский, С.К. Шамбинаго и другие. Представители второй группы ученых отрицали решающую роль ордынского правления в истории России или недооценивала это влияние. К ним относятся И.Н. Болтин, Н.Г. Устрялов, К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин, М.А. Дьяконов, В.О. Ключевский и др. Они полагали неверной попытку оценить значение ордынского ига с точки зрения «негативно-позитивного» подхода. Представители третьей группы – К.Н. Бестужев-Рюмин, С.Ф. Платонов, М.И. Сагарадзе, И.Н. Березин, А.А. Шахматов – пытались примирить два противоположных подхода или придерживались нейтральной позиции (с. 62).

Вторая глава посвящена советской историографии монгольского господства на Руси как мрачного периода русской истории. Советская историческая наука отвергла господствующую в дореволюционной историографии идею Н.М. Карамзина и его последователей о «положительном» влиянии золотоордынского ига на создание государственности России. Ученые резко отрицательно оценили роль монголо-татарского господства в развитии страны, общества и культуры (с. 69–70).

Подводя итог изучения фундаментальных трудов по русско-ордынской проблематике А.Н. Насонова, Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского, автор отметил, что во взглядах этих советских ученых прослеживается влияние С.М. Соловьева и государственной школы. Оно сказалось на представлении об усилении княжеской власти, формировании финансовой и налоговой систем, становлении почтовой службы. Эти и некоторые другие процессы активно происходили на Руси в эпоху ига, но стали формироваться задолго до монгольского периода и, таким образом, являлись результатом внутреннего развития России (с. 94).

Однако некоторые историки (Н.А. Рожков, В.В. Бартольд, Л.В. Черепнин, С.О. Шмидт, А.А. Зимин, В.А. Кучкин, Ю.А. Лимонов,

Г.А. Федоров-Давыдов) считали, что влияние нашествия на русскую историю преувеличено (с. 95).

Отмена института веча во время ига – один из ключевых вопросов советской историографии. В решении этого вопроса в трудах исследователей наблюдаются разногласия. А.Н. Насонов, Л.В. Черепнин, П.П. Смирнов и А.Л. Хорошкевич напрямую связывали исчезновение веча с ордынской политикой, в то время как другие ученые пытались найти другие причины – усиление княжеской власти, рост феодального землевладения и др. (с. 96).

Много внимания уделил автор взглядам евразийцев. Этот параграф является одним из наиболее интересных и ярких в работе. Автор много пишет о воззрениях Г.В. Вернадского как наиболее яркого и профессионального представителя данного течения.

Как подчеркнул автор, «представители этого направления придают факту монгольского нашествия и влияния Золотой Орды на Русь не просто первостепенное, но исключительное значение для русской истории. По мнению евразийцев, Русь являлась составной частью монгольского государства. Под непосредственным влиянием монгольской государственности она превратилась в самостоятельное Московское государство. Россия, а затем и Советский Союз – это особый географический, этнографический и культурный мир, объединяющий народы степей и равнин Евразии и являющийся наследником могущественной державы Чингисхана». (с. 111).

Анализируя современную историографию, Ху Вэйян особое внимание уделяет взглядам авторов, высказывающих не вполне традиционные оценки как ига в целом, так и отдельных явлений этой эпохи. Так, например, «вопреки сложившимся представлениям, Ю.В. Кривошеев считает, что монголо-татарское нашествие не нанесло Руси непоправимого вреда, приведя к упадку и стагнации социальное, политическое и экономическое развитие Русской земли. Русь не являлась частью ханства».

В отличие от распространенного в историографии представления о решительном значении Куликовской битвы в деле свержения монгольского ига А.А. Горский считает, что «столкновение Дмитрия Донского с Мамаем в конце XIV в. на Куликовом поле не свидетельствовало о стремлении полностью покончить с зависимостью. Сражение можно рассматривать как сопротивление правителю-узурпатору, потому что правление Мамаея было незаконно» (с. 122).

Вообще современная историография – наиболее интересная и новая часть работы, поскольку диссертации Ф.Ф. Мухаметова и В.В. Политова были защищены соответственно в 2007 и 2017 гг. Автор же анализирует и последующую, в том числе региональную, литературу.

Региональных исследователей в лице казанских ученых в целом можно считать наследниками концепции евразийской школы, согласно которой российское государство является наследником Золотой Орды и преемником ее государственного строя. Для региональных историков свойственна эклектичность теоретических построений в изучении монголо-татарского наследия.

Пожалуй, ошибочно автор включил в раздел современной историографии статью В.А. Рязановского, написанную еще в 1930-е гг. и лишь перепечатанную журналом «Вопросы истории» в 1993 г. (как, кстати, и неверно отнес изданную в 1918 г. книгу А.Е. Преснякова о Великорусском государстве к советской литературе – ясно же, что она писалась задолго до революции 1917 г. и относится к дореволюционной литературе).

Период, которому посвящены исследования российских и китайских исследователей, оказался исключительно значимым для истории не только Руси, но и Китая. Монгольские завоеватели превратили русские земли в зависимые территории, и такое положение сохранялось формально до стояния на Угре в 1480 г. Но именно в эти же хронологические рамки (точнее, на протяжении века, с начала 1270-х гг. и до конца 1360-х гг., территория Китая также находилась под монгольским владычеством –

только, в отличие от Руси, оно имело форму господства монгольской династии, основанной ханом Хубилаем, внуком Чингисхана, и получившей название династии Юань. Данное обстоятельство наложило существенный отпечаток на китайскую историографию, то есть она оказалась в этом вопросе также увязанной с традициями национального самосознания и национальной культуры, как и в России. В диссертации данной особенности китайской историографии уделено самое пристальное внимание.

Фактически, если в российской историографии исследовательский вопрос, в большей или меньшей степени провоцируемый историческими размышлениями, сводился к тому, насколько монгольское владычество способствовало или препятствовало государственному и культурному строительству Руси (или, как вариант, никак на это не влияло), то для китайских авторов вопрос формулировался хотя и похожим образом, но иначе: в какой мере династия Юань вписывалась (или не вписывалась) в традиции китайской государственности и социокультурных особенностей нациестроительства. Как и российская историография, китайская историография в свой начальный период сводилась именно к поиску ответов на этот вопрос, а затем, условно говоря, «секуляризовывалась», концентрировалась на конкретных проблемах и контексте эпохи.

Автор показывает, что изучение истории Юань началось в раннее Новое время и нашло отражение в трудах таких историков, как Шао Юаньпин, Цянь Дасинь, Вэй Юань, Цзэн Лянь, а определенный прорыв был достигнут в трудах историка XVIII в. Цянь Дасина. Следующей вехой изучения эпохи Юань стало время после Опиумных войн, когда Китай оказался на перекрестье интересов мировых держав. Геополитическая конъюнктура вкупе с достижениями в области источниковедения и текстологии позволили сформулировать ряд новых исследовательских проблем. Началась адаптация китайскими авторами методологических наработок европейских ученых. В результате в конце XIX – первой половине XX в. такие авторы, как Ван Говэй, Чэнь Юань и Чэнь Инке, существенно

продвинулись в понимании и интерпретациях институциональной истории династии Юань.

Историографию КНР диссертант делит на два периода – работы эпохи Мао Цзэдуна и «политики реформ и открытости» (с конца 1970-х гг. и до настоящего времени). В работе подчеркивается, что, несмотря на издержки времени «культурной революции», китайским исследователям удалось выработать новые мнения о международном положении империи Юань, уточнить представления о ее контактах с Европой, хотя приращения знаний о политической системе государства и его институтах в это время не произошло. В работе подробно освещается современная историография темы. Подчеркивается, что такие историки, как Хань Жулинь, Вен Дуцзянь, Ян Чжицзю, И Линьчжэнь, Чжоу Лянсяо, Чжоу Циншу, Дин Гофань, Чэнь Дэчжи, Ян Не, Хуан Шицзянь, Цю Шусен и Чен Гаохуа, в своих работах уточнили многие важные проблемы истории Юань, в том числе тот вопрос, с которого несколько веков назад и началось изучение этой эпохи, – об этнокультурных особенностях династии и ее государственных учреждений и об адаптации инокультурного элемента традициями и институтами китайской государственности.

Таким образом, поставленные исследовательские задачи автором решены, положения, вынесенные на защиту, обоснованы.

Текст диссертации изложен ясно, хорошим литературным языком и не допускает двусмысленности толкования. Автореферат соответствует основному содержанию диссертационной работы. Материалы диссертации в полной мере отражены в 4 работах, опубликованных соискателем ученой степени, в том числе в 4 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6 – Исторические науки.

Диссертация Ху Вэйяна отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к

работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно Приложениям 5 и 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Ху Вэйян заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

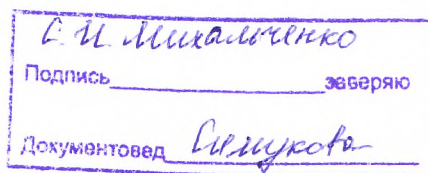
Официальный оппонент:

доктор исторических наук, профессор
директор Института экономики, истории и права
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И. Г.Петровского»

30.10.2023

Михальченко Сергей Иванович

Контактные данные

тел.: +7 (4832) 58-05-31, доб. 1245, e-mail: institut.sei@mail.ru

Специальность, по которой защищена диссертация:

07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Адрес места работы:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского»,
Институт экономики, истории и права